

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИИ

МАКСИМ А. ЮЮКИН

Воронеж, Россия

YUYUKIN, Maksim A.: On the problem of the classification of the Slavic toponymy in the content plane. *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*, 2018, Vol. 69, No 2, pp. 187 – 198

Abstract: The paper suggests a new classification of Slavic place names in the content plan (on the Old Russian annalistic material), based on the functional-structural approach developed in the works by V. Blanár and R. Šrámek. As the semantics of a proper name is formed both by its relationship with an object (the referential identification) and a hierarchical set of socially and pragmatically important features (the presuppositional identification), the paper distinguishes two modes of nomination, in accordance with the character of the relationship between a name and a referent, variability of which allows to discover and structurize onymic features. The direct nomination implies the designation of an object as such, on the assumption of its immanent feature characterizing it as a whole. The indirect mode denotes an object through its relationship with other reality. The classification is based on a strict dichotomic principle that allows to identify nominational features forming the basic content structure of the Slavic toponymy, and has a two-level – nominational and semantic – character that consequently reflects the double – onomastic and linguistic – status of a proper name.

Keywords: theory of onomastics, toponymical classification, content plan, functional-structural approach, mode of nomination, nominational feature, type, model

Разработка принципов классификации топонимов с точки зрения плана содержания принадлежит к числу наиболее актуальных и сложных проблем славянской ономастики. Со времени зарождения последней как самостоятельной научной дисциплины (во второй половине XIX в.) и вплоть до настоящего времени учеными было предложено множество вариантов семантического членения топонимии славянских языков. Подробный обзор существующих топонимических классификаций проведен Александрой В. Суперанской (1973, с. 148 – 160).

В основу подавляющего их большинства положено словарное значение мотивирующей основы, что отвечает духу сравнительно-исторического языкознания с его преимущественным вниманием к генетическим связям слов, к их этимологии. Большую известность получила классификация, разработанная Витольдом Ташицким (Taszycki, 1946), которая предполагает разделение топонимов на два типа – 1) названия, которые всегда были топонимами,

и 2) названия, первоначально обозначавшие группы людей. Внутри каждого типа выделяется несколько классов: в первом – названия топографические, культуральные, принадлежностные, релятивные (возникшие из других названий), во втором – топонимы, образованные от названий патронимических, родовых, служебных и профессиональных, этнических групп.

Однако при всей своей внешней стройности и логичности эта классификация в своей основе имеет дело не столько с номинационными типами, сколько со способами их формального выражения: так, ойконимы *Дерева*, с одной стороны, и *Деревескъ*, *Деревичь*¹, с другой, в соответствии с ней должны быть отнесены к разным типам; между тем очевидно, что все эти названия тождественны в номинационном отношении (происходят от этнонима *Дерева*, позднее *деревляне*) и различие между ними заключается лишь в способе словообразовательного оформления выражения одного и того же номинационного признака. О роли метонимии и метафоры в структуре топонимической номинации см. ниже.

Разделение топонимов на «топографические» и «социальные» («культуральные») с последующим вычленением моделей в зависимости от типа объекта, название которого послужило производящей основой ойконима («по водоемам», «по растениям» и под.), в большей степени связано с членением внеязыковой действительности и использованием в топонимии лексики данного языка, чем со спецификой топонимической системы. Кроме того, различие между этими двумя типами не столь уж принципиально, если учесть, что, как известно, топографическая мотивация в топонимии всегда социально обусловлена.

Петар Шимунович, следуя классификационной схеме, предложенной еще Франтишекком Палацким, делит хорватские ойконимы на названия с антропонимическими и апеллативными основами, подразделяя последние соответственно на патронимические, родовые, посессивные, профессиональные и этнические в первом типе, и топографические (характеризующие, описывающие, локализирующие) и культурные во втором (Šimunović, 2009, с. 217 – 219). Научную ценность этой классификации снижает досадная терминологическая небрежность, допущенная автором в названиях типов: в число топонимов с антропонимическими основами включаются и образованные от названий жителей по профессиям и этнической принадлежности, а характеристика второго типа как отапеллативного исключает из сферы рассмотрения ойконимы, образованные от гидронимов и имен собственных других классов. Нельзя согласиться и с тем, что двухосновные (сложные и составные в словообразовательном отношении) названия рассматриваются наравне с одноосновными; очевидно, что по сравнению с последними они содержат дополнительный номинаци-

¹ Здесь и далее в качестве примеров используются материалы наших исследований по древнерусской летописной ойконимии, наиболее полно представленные в Ююкин (2015).

онный признак: ойконим *Biograd* не тождествен в семантическом отношении ойкониму *Grad*.

Между тем в последние десятилетия в ономастической науке все глубже укореняется понимание того, что классификации, основанные на апеллятивном значении производящей основы, не способны постичь собственно ономическую природу имен собственных и раскрыть законы их системной организации. Альтернативой апеллятивно-семантическому становится функционально-структурный подход, при котором классификация топонимов с точки зрения плана содержания понимается как классификация номинационных моделей, выделяемых на основании прагматически понимаемого мотива номинации. В разработку функционально-структурного подхода наибольший вклад внесли труды Винцента Бланара и Рудольфа Шрамека (Blanár, 1996, с. 129 и сл.; Blanár, 2004; Šrámek, 1999, с. 36 и сл.).

Существует несколько известных классификаций, в той или иной степени основанных на функционально-структурном подходе.

Так, Джордж Р. Стюарт, в соответствии с проводимым им разграничением мотива номинации и механизма номинации, выделяет следующие группы топонимов: 1) дескриптивные (с последующим подразделением на чисто описательные, ассоциативные и относительные), 2) посессивные (включающие личные, этнические и мифологические), 3) событийные, 4) коммеморативные, 5) эвфемистические, 6) искусственные, 7) иррадиационные, 8) народно-этимологические, 9) ошибочные (Stewart, 1969, с. 1 – 13). Недостаток этой классификации видится прежде всего в низком уровне обобщения, выразившемся в излишнем дроблении материала, непомерно большом количестве выделяемых групп, многие из которых охватывают ничтожно малый процент топонимов. Кроме того, народно-этимологические переосмысления и ошибочные искажения названий являются, в отличие, например, от дескриптивности или посессивности, не мотивами номинации, а позднейшими наслоениями, принципиально не имеющими к этим мотивам никакого отношения, а потому представляют собой явления совершенно иного уровня. Нельзя согласиться и с отнесением топонимов, образованных от этнических и мифологических наименований, к группе посессивных названий: они не выражают отношений принадлежности в том смысле, в каком их выражают топонимы, образованные от имен владельцев.

По Р. Шрамеку, «отношение к именуемому объекту ограничено следующими четырьмя содержательными категориями, которые можно обозначить местоимениями: «где», «кто, что», «какой, -ая, -ое, какие» и «чей», которые, в свою очередь, сводятся к двум более общим категориям: «описание, характеристика» и «принадлежность» (Šrámek, 1972, с. 308 – 309). Однако границы между указанными категориями не всегда являются отчетливыми: так, отгидронимические ойконимы *Svitava*, *Opava*, *Jihlava* отнесены к категории «где», в то время как ойконимы типа *Hora*, *Brod* включаются в категорию «что (кто)», хотя и те и другие

обозначают населенный пункт через отношение к близлежащему природному объекту (реке, горе, броду) с той только разницей, что в первой группе примеров этот объект назван собственным, а во второй – нарицательным именем, и следовательно, есть все основания видеть здесь один и тот же тип номинации.

Группа советских теоретиков ономастики (А. В. Суперанская и др.) выделила в топонимической номинации две тенденции – оседлую и кочевую. «Первая отмечена преимущественно у народов индоевропейской языковой семьи (в том числе и у славян), вторая – урало-алтайской. Топонимия народов с древней оседлой культурой обычно бывает ориентирована на рельеф и ландшафт и на их хозяйственное использование... Топонимия народов кочевой культуры часто образуется из названий родоплеменных подразделений» (Теория..., 1986, с. 49). Применительно к ойконимии столь категоричная оппозиция представляется глубоко ошибочной. И дело не только в спорности жесткой увязки того или иного типа номинации с языками определенной семьи: патронимические и родовые топонимы, в основе которых лежат наименования родоплеменных групп, широко распространены и у славян (особенно западных, у которых они являются абсолютно преобладающим типом), а названия, характеризующие географические особенности, нередки и в тюркско-монгольских языках (не говоря уже об уральских); этот тезис легко подтвердить и материалами нашего исследования, ср. *Сызал(ь)* < тат. *сыза* ‘сухая речка’ + адъективный суффикс *-лы/-ле*; *Кемерчи (Кермечи)* < тюрк. *кемер* ‘узкая долина, узкая низменность; склон горы, берег, обрыв, холм, гора’ + субстантивный суффикс *-чи* и др. (приводятся лишь примеры, не имеющие соответствий в тюркской этнонимии и генонимии). Каждый ойконим по своей природе является не «оседлым» или «кочевым», а возникает на стыке этих двух типов жизненного уклада, самым фактом своего возникновения фиксируя момент окончания процесса миграции.

Рассматривая типологию топонимической номинации, Р. Шрабек выделяет три ее способа – прямой, при котором избранный номинационный мотив максимально совпадает с лексико-семантическим содержанием мотивирующего знака, метафорический и метонимический (Šrámek, 2007, с. 465). Отсутствие надежных критериев их выделения видно уже по приводимому автором примеру прямого типа номинации: *Buk* как название населенного пункта – это бесспорный пример метонимии, в котором обозначение дерева перенесено на поселение по той же самой логической процедуре, по которой на последние переносились, например, патронимические или родовые наименования их жителей.

Кроме того, метафора совсем не характерна для древнейшего слоя топонимии, что дает основание усомниться в архетипичности этого способа образования названий: так, в древнерусской ойконимии древнейшего периода (до XIV в.) такие названия отсутствуют вовсе; единичные примеры появляются лишь в XIV – XVII вв. (*Балахна*, *Ломихвостъ*, *Сапожокъ*); в позднейшее время метафорические топонимы становятся более многочисленными. Метафора,

метонимия или их отсутствие – это лишь формы выражения более глубоких номинационных структур, но никак не способы номинации, лежащие в основе процесса образования топонимических названий, ср. трактовку общезыковых метонимии и метафоры, которые рассматриваются как логические формы, в которых протекает переосмысление значений в процессах вторичной номинации, но отнюдь не как типы последней (каковыми являются номинация автономная и неавтономная, или косвенная) (Телия, 1990, с. 336 – 337).

Использование функционально-структурного подхода, безусловно, явилось большим шагом вперед в понимании законов, по которым возникает и развивается топонимическая система, однако его практическое применение, как видим, пока не свободно от противоречий и терминологических неясностей. Таким образом, положение в деле разработки топонимической классификации с точки зрения плана содержания не столь благополучно, как в области описания структуры славянской топонимии, где уже давно существует исчерпывающая, логически выверенная классификация, получившая всеобщее признание и многократно доказавшая свою жизнеспособность (см. Borek – Eichler – Majtán – Šrámek, 1988).

Вместе с тем несомненно, что каждая из предложенных классификаций содержит определенное рациональное зерно, отражает какую-либо из сторон реально существующих отношений в сфере топонимической номинации (на разных ее уровнях) и может быть (с известными оговорками и ограничениями) применена для описания определенных сегментов топонимического пространства.

В последние годы была предложена классификация русских топонимов в этнолингвистическом аспекте, с целью выявления установок субъекта номинации и определения его мировоззрения (Березович, 2009), однако указываемые номинационные модели в целом повторяют те, которые многократно выявлялись с помощью традиционной семантической классификации.

Поскольку семантику имени собственного образуют его отношение к обозначаемому объекту (референциальная идентификация; существует даже точка зрения, согласно которой оним является языковым знаком лишь в связке propriальная лексема – референт) и иерархически упорядоченная совокупность социально и прагматически значимых признаков, которые при выделении путем абстрагирования в онимическом контексте приобретают качество онимических признаков (пресуппозициональная идентификация) (Blanár, 2004, с. 5 – 6), в основу классификации с точки зрения плана содержания должен быть положен характер связи между объектом и референтом, возникающие при которой типы противопоставлений позволяют выявить и иерархически упорядочить совокупность онимических признаков.²

² Понятно, что здесь речь идет лишь о признаках, по которым различные группы топонимов противопоставлены друг другу; онимические признаки, присущие всем топонимам как классу имен собственных, находятся за рамками предмета нашего рассмотрения.

В основу нашей классификационной схемы положено различие между способами номинации, связанными с обозначением объекта как такового, исходя из его собственного, имманентного ему признака, характеризующего его как целое, и обозначением объекта путем установления его связи с другой реальностью или отношением. Эти два способа названы нами соответственно **прямой** и **косвенной** номинацией. Внутри каждого из этих типов выделяются две модели номинации. Прямая номинация включает в себя **номинативную** (ойконим представляет собой топонимизированный термин, обозначающий тип населенного пункта: *Городыць, Деревнька*) и **квалитативную** [ойконим содержит качественную характеристику объекта, которая может быть конкретной (*Высокое, Серебряный*) и абстрактной (*Добрый, Красное*)] номинационные модели, разграничение которых является частным случаем общезыкового различения двух основных типов однозначных слов – имен предметов и обозначений признаков.

Дальнейшее классификационное деление внутри номинативной модели связано с вычленением топонимов, образованных от терминов, обозначающих города (*Городище, Кременьць*) и сельские поселения (*Выставка, Сельце*), и естественно вытекает из содержания понятия «населенный пункт». Однословные ойконимы, образованные путем прямой номинации, составляют лишь небольшую часть в общей массе древнерусских названий населенных пунктов, поскольку слишком общие значения мотивирующих основ снижали их способность выполнять различительную функцию в процессе коммуникации: в силу ограниченности набора терминов, обозначающих тип поселения [так, в летописной ойконимии более двух раз употребляются лишь 6 таких терминов: *городъ* (с производными (*городыць/городъкъ, городище*), *погость*, *село (сельцо)*, *слобода (слободъка)*, *острогъ (острожькъ)*, *починъкъ*], они часто снабжались дифференцирующими определениями; общая качественная характеристика, не сопровождавшаяся спецификацией объекта, к которому она относилась, вероятно, также воспринималась как слишком неопределенная, коммуникативно недостаточная. Слабость различительной способности номинативных ойконимов система пытается компенсировать за счет актуализации количественного признака: большинство из них образованы от деминутивных производных (*городыць/городъкъ, вьська*), тогда как основные формы соответствующих терминов в самостоятельном употреблении почти не встречаются. Названия этого типа можно назвать исконными или первичными ойконимами, поскольку значение ойконимичности выражено у них в максимальной степени.

С точки зрения прагматики номинации квалитативные ойконимы могут быть разделены также на *констатирующие* (фиксирующие реально существующий признак) и *дезидеративные* (выражающие пожелание: *Боголюбое*).

Второй способ номинации включает в себя следующие модели: **релятивную** (название мотивировано отношением населенного пункта к иной реальности,

не включающим номинационный признак принадлежности, обладания) и **посессивную** (названия, мотивированные принадлежностью поселения определенному лицу, гср. коллективному владельцу – государственной казне, монастырю). Использование признака непринадлежности – принадлежности в качестве дифференцирующего при выделении этих моделей мотивировано его особой социальной значимостью в сознании номинаторов.³ В свою очередь, релятивные ойконимы делятся на *лично-релятивные* (от названий людей) и *нелично-релятивные* (от названий природных и рукотворных реалий с последующим вычленением хорошо известных, бесчисленное количество раз описанных групп в зависимости от типа объекта и характера отражения природной и социальной реальности: *Бълоозеро, Мостици*) (социально-прагматическая мотивировка членения окружающей действительности на мир людей и мир, внешний по отношению к человеку, представляется несомненной и не требующей специального обоснования), а лично-релятивные далее – на *индивидуально-личные* (коммеморативные: *Царевъ Алексеевъ, Царевъ Борисовъ*) и *коллективно-личные* (жильские) [от всех типов групповых наименований жителей – патронимических, родовых, служебно-профессиональных, этнических, прозвищных: *Смоляне, Твердилицы, Хони*; их целесообразно делить прежде всего на имеющие антропонимическую (патронимические и родовые) и апеллятивную (служебно-профессиональные, этнические, прозвищные) основу]. Подгруппы индивидуально- и коллективно-личных ойконимов различаются не только по характеру реалии, отношению к которой фиксируется в названии, но и по специфике самого отношения: в коллективно-личных топонимах категория релятивности является ослабленной, они в известном смысле занимают промежуточное положение между релятивными и номинативными названиями, поскольку представление о населенном пункте неотделимо от представления о его жителях, ср. сделанное в этой связи известное замечание Афанасия М. Селищева (2003, с. 464) о «значении населенного пункта как коллектива».

Посессивные ойконимы в идеале должны члениться на образованные от имен основателей (первопоселенцев) и феодальных владельцев, однако на практике такое разграничение удастся провести лишь в немногих случаях, так как обстоятельства возникновения населенного пункта редко фиксируются документально. Номинационные признаки, лежащие в основе этих двух групп посессивных названий, совершенно различны, несмотря на тождественность их формального выражения: первая отражает историю заселения данной территории, вторая – социально-экономический строй, складывание и развитие

³ Последнее обстоятельство находит многочисленные подтверждения в памятниках древнерусской письменности, ср., например, обычные в летописях указания на принадлежность населенного пункта, далеко не всегда диктуемые контекстом: «и быша в Буици, селѣ с(вя)того Георгия», «от(ъ) своего городка от Дубкова», «на княжи селѣ на Изгояхъ» и др.

феодалных отношений. Эти признаки, однако, нередко совпадают, когда владелец, имя которого сохранилось в названии поселения, является одновременно и основателем последнего.

Как можно видеть, наша классификация носит двухуровневый, номинационно-семантический характер: высшие уровни выделяются на основании номинационных признаков, низшие – традиционных лексико-семантических (исходящих из значения топоосновы), позволяющих выявить исторически и социально мотивированную избирательность в отборе средств словарного состава языка при формировании ойконимии, тогда как первый критерий ориентирован на постижение собственно онимической природы последней. Сочетание этих двух критериев (при главенствующей роли номинационного) обусловлено двояким статусом имен собственных – ономастическим и лингвистическим (Blanár, 2004, с. 4), отражением обеих сторон которого они соответственно являются.

Говоря о языковой природе формальных (структурных) свойств имен собственных, не следует упускать из виду то обстоятельство, что с языком онимия связана посредством коммуникации. Однако изучая имена собственные по их упоминаниям в древних памятниках письменности, мы имеем дело не с живым, естественным коммуникативным процессом, а с некоей его окаменелостью, лишь фрагментарно сохраняющей следы тех коммуникативных связей, в которых протекало возникновение и функционирование онимов. Другая особенность коммуникативного аспекта исторического ономастического исследования – это то, что даже эти фрагменты мы наблюдаем не непосредственно, а через призму видения автора текста, который в той или иной степени осуществляет отбор и обработку материала в соответствии уже со своими собственными коммуникативными задачами; особенно это относится к летописным источникам, создание которых в значительно большей степени является творческим процессом, чем, например, составление актов деловой письменности. Таким образом, коммуникативная сторона рассматриваемой онимии также имеет двухуровневую структуру, взаимодействие между ярусами которой выражает диалектику общего (топонимии, естественно возникшей в социуме) и частного (отражение ее в индивидуальном сознании летописца). Коммуникативные отношения первого типа (т. е. связанные с возникновением и бытованием онима в живой речи) особенно зримо отражаются в различных типах адаптации иноязычных названий – 1) фонетический: *Кщема* < балт. **kust-*; 2) грамматический: *Самара* < тюрк. *самар* ‘мешок’ (также этническое название); 3) словообразовательный: *Олоньць* < *Олоньсь*; 4) лексический (калькирование – частичное или полное): *Курь островъ*; 5) семантический (народно-этимологическое переосмысление): *Вымоченицы* из *Выченицы* по аналогии с *вымочить*, а также сложные, комбинированные типы: фонетико-грамматический (*Вохна* < прибалт.-фин. *ohno*, род. п. *ohon* ‘медведь’), фонетико-словообразовательный (*Осорочь* < тюрк. *sark-* ‘разливаться’, ‘капать’, ‘висеть неподвижно’),

семантико-словообразовательный [*Жукотинъ* < тат. *жукә* (юкә) ‘липа’ и *тау* ‘гора’] и др., возникновении межъязыковых гибридов [*Матигоры* < коми-пермяц. *mati* ‘близко’, *matісь* ‘ближний, близкий’ + регулярная русская адаптация фин. *kari* ‘утес, риф, подводный камень, мель’, ср. аналогично *Колмогоры* (*Холмогоры*)], вариантности (*Мыцьньскъ/Мычьньскъ*, *Сереньскъ/Шереньскъ*), исторической эволюции топонима (*Дѣбрянскъ* > *Брянскъ*, *Суждаль* > *Суздаль*) или замены его другим названием [*Мещерский* (1379), *Мещера* (1391) > *Касимовъ* (1540)], которые во многих случаях можно проследить по источникам. На более высоком уровне системной организации онимии в процессе коммуникации иногда могут заимствоваться целые номинационные или структурные типы и модели; в летописной ойконимии достоверных примеров такого заимствования не отмечено. Со своей стороны летописец, труд которого преследует прежде всего цель донести до потомков сведения о наиболее значимых событиях, отнюдь не стремится к полному и равномерному отражению в своем труде топонимического ландшафта, упоминая лишь те названия, которые имеют отношение к описываемым им событиям. Естественно, что при таком подходе многие онимы остаются за рамками летописного повествования; это относится к названиям не только единичных объектов, но даже отдельных территориально-государственных образований: так, древнерусские княжества *Кукенойс* и *Герцике* на Западной Двине, известные из «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, русским летописям совершенно неведомы. В единичных случаях летописец стремится компенсировать эту неполноту с помощью специально составленных справочных текстов, таких, как список городов «А се имена всемь городамъ Русскимъ, дальнимъ и ближнимъ», включенный в состав ряда летописей. Коммуникативная установка летописца на образованного читателя, которому близка книжная, старославянская культура, ведет в некоторых случаях к искажению живого, разговорного облика названий путем придания им старославянских черт (*Новъградъ* вместо *Новъгородъ*).

Членение на указанные модели – явление не изначальное: номинационные признаки, лежащие в основе квалитативной, релятивной (частично) и посессивной модели, исконно существовали в слитном с номинативной виде в рамках составных конструкций «определяемое + определяющее (название типа поселения)», и лишь эллиптизация и субстантивация последних создала условия для их выделения в качестве самостоятельных моделей топонимической номинации. Это обстоятельство хорошо демонстрирует взаимосвязь различных уровней языка, показывает, что содержательную сторону топонимов нельзя рассматривать как «вещь в себе», в отрыве от процессов, происходящих на других языковых уровнях.

К началу исторической эпохи эти модели превращаются в некие постоянные величины, своего рода универсалии, определяющие лицо содержательной стороны ойконимической системы: общие процентные соотношения между

ними мало меняются на протяжении всей древнерусской эпохи. Исключение составляет рост удельного веса названий, мотивированных двумя номинационными признаками, в средний и поздний периоды за счет снижения доли релятивных ойконимов. Этот процесс вызван двумя причинами: естественной в данную историческую эпоху экспансией категории посессивности (атрибутивные компоненты названий в подавляющем большинстве случаев носят посессивный характер), отражающей развитие феодальных отношений, и большей, чем в более раннее время, приближенности письменной фиксации ойконима ко времени его возникновения, результатом чего явился более широкий охват памятниками письменности начальной стадии существования ойконима, когда еще не произошел эллипсис субстантивного компонента исконно двухчастного названия. Однако на территориях с разной историей заселения соотношение между моделями также различно: так, в окраинных, относительно поздно заселенных областях, где феодальное землевладение отсутствовало или было развито слабо, активность посессивной модели значительно ниже, а процент названий, отражающих природные условия, напротив, велик; доля коллективно-личных (прежде всего патронимических) релятивных ойконимов на бывшей племенной территории словен новгородских намного выше, чем в других древнерусских землях (подробно об этом см. Ююкин, 2014).

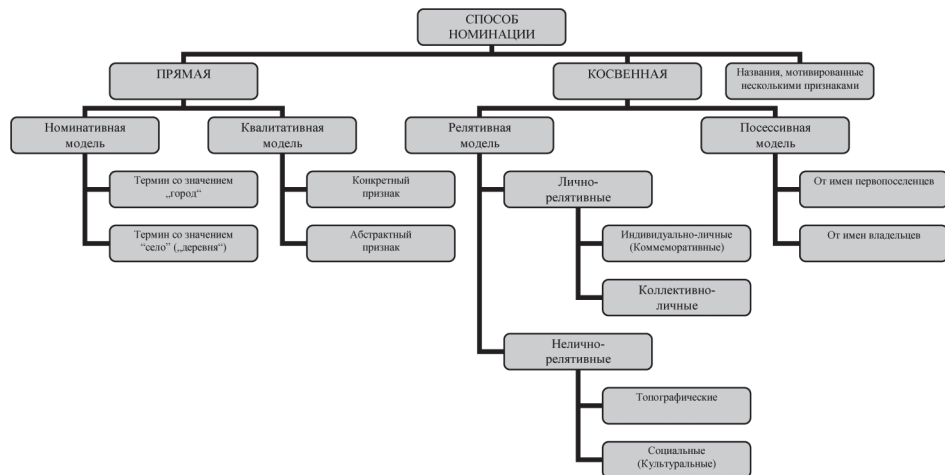
Существует корреляция между выявленными моделями и группами, с одной стороны, и определенными моделями топонимического словообразования, с другой, что демонстрирует взаимосвязь между содержательной и формальной сторонами онимического знака: так, номинативные ойконимы всегда представляют собой существительные в форме ед. ч., качественные – субстантивированные прилагательные или причастия (*Любимъ*), коллективно-личные релятивные названия являются существительными в форме *pluralia tantum*, а посессивные образованы путем субстантивации притяжательных прилагательных преимущественно с суффиксами **-jъ*, **-ov-/*-ev-*, **-in-*. Исключение составляют нелично-релятивные ойконимы, при образовании которых используются все из перечисленных выше словообразовательных моделей, что соответствует семантическому многообразию используемых в них мотивирующих основ.

Особое место, которое названия с двумя и большим количеством основ занимают в ойконимической системе не только в структурном, но и в десигнативном аспекте, делает их классифицирование сложной проблемой, до сих пор не получившей однозначного решения. Какой член сложения следует брать за основу при отнесении названия к той или иной группе? С одной стороны, есть определенная логика в том, чтобы считать ведущим элементом сложения определяющий компонент (родо-видовой детерминатив), т. е. название *Янгурчевъ городокъ*, в соответствии с этой точкой зрения, следует отнести к числу номинативных топонимов. Однако с диахронической точки зрения вряд ли было бы корректно отделять названия атрибутивного типа от двучленных образований,

представляющих собой, собственно, лишь иную хронологическую ступень развития того же словообразовательного типа. Предложенное В. Ташицким двойное классифицирование топонимических сложений, т. е. отнесение их одновременно к двум группам в соответствии с семантикой каждой части (Taszycki, 1960, с. 52), приемлемо для классификации топооснов, но не самих топонимов: географическое название представляет собой целостную языковую единицу вне зависимости от количества составляющих его основ, а любая классификация предполагает равный статус исходных классифицируемых единиц и, следовательно, равную степень их представленности. Выше мы уже говорили о недопустимости классифицирования сложных и составных топонимов наравне с одноосновными.

Единственный возможный выход видится в выделении топонимов, мотивированных двумя (геср. тремя и более) мотивационными признаками, в отдельную группу, дальнейшее членение которой должно выявить типы соотношения номинационных признаков, положенных в основу каждой части, в рамках одного топонима. Разумеется, речь идет лишь о структурах с детерминативом, обозначающим тип поселения; топонимические метонимии (*Березово поле*, *Попова гора*) сюда не включаются, поскольку их двупризнаковость относится к доойконимическому уровню номинации.

Выявленные системные отношения могут быть представлены в виде следующей схемы:

Таким образом, применение теоретических достижений функционально-структурного подхода (прежде всего сформулированных в трудах В. Бланара), на наш взгляд, позволило разработать классификацию, с помощью которой можно дать исчерпывающее и внутренне непротиворечивое описание номинацион-

ных и семантических типов и моделей славянской ойконимии. Системная организация десигнативной стороны последней, как оказалось, зиждется на последовательно реализуемом принципе дихотомического деления, выявляемые в ходе которого функциональные члены образуют в совокупности ее базовую содержательную структуру. Исследование проводилось исключительно на материале древнерусской летописной ойконимии; распространение его на ойконимические системы других славянских языков позволило бы выявить, насколько предложенная схема приложима к славянской ойконимии в целом, а сравнение результатов по различным языкам – установить много интересных и значимых как с эмпирической, так и с теоретической точек зрения закономерностей.

Л и т е р а т у р а

БЕРЕЗОВИЧ, Елена Л.: Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. 2-е изд. Москва: Книжный дом «Либроком» 2009. 328 с.

СЕЛИЩЕВ, Афанасий М.: Труды по русскому языку. Язык и общество. Т. 1: Социоллингвистика. 2-е изд. Москва: Языки славянской культуры 2003. 632 с.

СУПЕРАНСКАЯ, Александра В.: Общая теория имени собственного. Москва: Наука 1973. 366 с.

ТЕЛИЯ, Вероника Н.: Номинация. In: Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия 1990, с. 336 – 337.

Теория и методика ономастических исследований. Ред. А. П. Непокупный. Москва: Наука 1986. 249 с.

ЮЮКИН, Максим А.: К этимологии древнерусских топонимов с суффиксом **-itji*. In: Jezikoslovni zapiski 20, 2014, 1, с. 189 – 198.

ЮЮКИН, Максим А.: Этимологический словарь летописных географических названий северной и восточной Руси. Москва: Флинта 2015. 387 с.

BLANÁR, Vincent: Teória vlastného mena (Status, organizácia a fungovanie v spoločenskej komunikácii). Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV 1996. 250 s.

BLANÁR, Vincent: Pragmatickolingvistické metódy a problematika v onomastike. In: Jazykovedný časopis, 2004, roč. 55, č. 1, s. 3 – 19.

BOREK, Henryk – EICHLER, Ernst – MAJTÁN, Milan – ŠRÁMEK, Rudolf: Strukturtypen der slawischen Ortsnamen. Strukturní typy slovanské oikonymie. Brno – Leipzig: Karl-Marx-Universität 1988. 88 s. (= Namenkundliche Informationen. Sonderheft.)

STEWART, George R.: A classification of place names. In: Names, 1969, № 2, s. 1 – 13.

ŠIMUNOVIĆ, Petar: Uvod u hrvatsko imenoslovlje. Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga 2009. 382 s.

ŠRÁMEK, Rudolf: Toponymické modely a toponymický systém. In: Slovo a slovesnosť, 1972, roč. 33, č. 4, s. 304 – 317.

ŠRÁMEK, Rudolf: Úvod do obecné onomastiky. Brno: Masarykova univerzita 1999. 191 s. + 19 map.

ŠRÁMEK, Rudolf: Etymon, pojmenovací motiv a význam vlastních jmen. In: Jezikoslovni zapiski 13, 2007, 1 – 2, s. 459 – 469.

TASZYCKI, Witold: Słowiańskie nazwy miejscowe. Ustalenie podziału. Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Umiejętności 1946. 64 s.

TASZYCKI, Witold: Złożone nazwy miejscowe w języku polskim. In: Slavia, 1960, roč. 29, s. 49 – 64.